

Л. Л. Фитуни⁴ГЕРМЕНЕВТИКА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА⁵

Герменевтика занимается проблемами интерпретации текстов не только в привычном узком, «издательском» смысле слова (хотя и в нем тоже), но и в самом

¹ Цит. по: *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. М.: Радуга, 1992. Т. 2. С. 428.

² Цит. по: *Шлезингер А.-М.* Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992. С. 31.

³ *Диккенс Ч.* Указ. соч. Т. 10. С. 447–448.

⁴ Заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Автор более 280 научных работ, в т. ч.: «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Африка и национальные интересы России» (в соавт.), «Африка: ресурсные войны XXI века», «Экономика международного терроризма», «Международное движение капитала в условиях глобализации», «Финансовый мониторинг» (учеб. пособие), «Теневой оборот и „бегство капитала“», «Преодолим ли голод? Ключевая проблема развивающихся стран» и др. Главный редактор журнала «Ученые записки Института Африки» и серийного издания «Глобальные и стратегические исследования». Член редакций журналов «Азия и Африка сегодня», *Journal of Financial Crime*, *Journal of Money Laundering Control* и др. Заместитель председателя экспертного совета РФФИ по глобальным проблемам и международным отношениям. Президент московского Независимого центра документации по вопросам свободы, демократии и законности.

⁵ Доклад подготовлен в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

широком философском понимании: текстов как продуктов языкового выражения, интерпретации смыслов, которые возникают при работе со значимыми человеческими проблемами. В данном докладе автор намерен поделиться своими соображениями по вопросу интерпретаций феномена «нового мирового порядка» (НМП), который на протяжении долгого времени выступает то в качестве идеала, то в качестве химеры, сводящихся к переустройству устоявшегося течения жизни мирового сообщества. При этом на практике, как показывает история, каждое такое переустройство неизменно сопровождается катаклизмами и тяжелейшими последствиями для множества стран и народов.

Разумно начать наши размышления с попытки хотя бы в общих чертах договориться о том, что все же подразумевается под термином «новый мировой порядок». Подчеркнем, что речь идет не о конкретном наполнении международной реальности с приходом очередного НМП, а о выделении ключевых отличительных характеристик последнего как родового явления и самостоятельной сущности, очерчивающих систему политических отношений внутри всего человечества. Другими словами, как неоднократно повторяющихся во всеобщей истории реалий политического, экономического и социального бытия.

Сам состав термина указывает как минимум на три его ключевые особенности, призванные в своем един-

стве порождать новое качество бытия всего человечества. Фундаментом этой триединой сущности выступает составляющее основу термина существительное «порядок», то есть *ясная и четкая организация какой-либо сферы действительности*. По умолчанию подразумевается, что речь идет об общественных отношениях — политических, экономических, социальных и любых других. Определение «мировой» указывает не только на географический охват новым порядком всего мира, но и на то, что им устанавливаются иерархия и правила взаимоотношений различных частей ойкумены, включая отношения между странами, народами, классами, общинами и иными социальными группами, их образующими. Наконец, важнейшая дифференцирующая составляющая в наименовании термина — прилагательное «новый» — призвана ознаменовать прекращение действия законов и правил «старого», предшествующего порядка либо по крайней мере их существенную модификацию или избирательное использование.

В свете сказанного можно расширительно утверждать, что весь ход всеобщей человеческой истории в целом являет собой последовательную смену провозглашения и крушения начинаний, которые современники интерпретировали в качестве «нового мирового порядка»: от эфемерных, как впоследствии оказалось, монотеистических реформ Эхнатона в Древнем Египте до эфемерных, как ныне выясняется, глобалистских построений адептов и эпигонов монополярного нового американского века (*New American Century*).

То, что современниками воспринимается как приход *Novus ordo seclorum*, другими словами, «нового порядка на века», часто уже через одно-два поколения считается досадным сбоем, нелепым зигзагом на пути магистрального хода истории. Впрочем, вполне возможно, что по прошествии еще более продолжительного исторического отрезка заклеянный зигзаг реабилитируется и уже будет интерпретироваться как «светлый феномен, опередивший свое время», не понятый и незаслуженно оклеветанный современниками и ближайшими потомками.

Таким образом, понимание НМП «исторично, проходяще, временно, а это означает изменчивость самих горизонтов понимания» [2, с. 79]. Каждое следующее поколение интерпретирует *новый мировой порядок* по-своему.

Процесс понимания концепта нового мирового порядка принципиально не может быть завершен, поскольку помещаемые в него смыслы бесконечно движутся по расширяющемуся кругу. Повторное возвращение от целого к части и от частей к целому меняет и углубляет понимание смысла части, подчиняя целое постоянному развитию. Как прозорливо резюмировал Х.-Г. Гадамер, «постановку вопроса здесь направляет „предпонимание“. Речь идет о сложившейся общественной системе, которая имеет значение исторически ставшей, научно недоказуемой нормы. Она представляет не только предмет опытно-научного рационализации, но и его рамки, в которые „вставляется“ методическая работа. Исследование разрешает в данном случае проблему, большей частью учитывая поме-

хи в существующих общественных функциональных взаимосвязях или также путем объяснения критикой идеологии, которая оспаривает существующие господствующие отношения» [1, с. 617].

Идея «нового мирового порядка на века» лежит в основе существования Соединенных Штатов с момента их возникновения. Материальное подтверждение этого видел на долларовой банкноте практически каждый. На ней изображена Большая печать США с девизом «*Novus ordo seclorum*». Однако появление термина в современном политическом значении связано с именем 28-го президента США (1913–1921) Вудро Вильсона. 8 января 1918 года он представил свои знаменитые Четырнадцать пунктов, которые впоследствии легли в основу Версальского договора. По смыслу они были общей схемой НМП, хотя сам этот термин в них не использовался. 18 февраля 1918 года Вильсон выступил перед Конгрессом США со специальным обращением по вопросу нового *международного* порядка [6], а 9 сентября 1919 года в Университете Миннесоты впервые употребил словосочетание «новый порядок мира» (*new order of the world*), описывая мироустройство, куда будут допущены лишь демократические страны. Для автократий двери окажутся закрыты. Небезынтересно, что для выражения этой мысли он использовал английский фразеологизм *to send to Coventry*, который означает «подвергнуть кого-то бойкоту, ostrакизму, отмене»: «*The league of nations sends autocratic governments to Coventry*» [5].

Как мы видим, «культура отмены» — по своей морально-этической основе будучи продуктом протестантского общественного сознания — была присуща установочным текстам американских президентов уже в те годы, в том числе и в международных делах. Конечно, Вудро Вильсон не мог предполагать, насколько буквально в 1940 году автократ из Германии решит следовать его инвективе о ковенентировании в отношении демократической Британии.

Впрочем, означенный германский автократ попытался навязать свою собственную интерпретацию смыслов НМП, который он без затей так и именовал на родном языке — *die neue Ordnung*.

На Ялтинской конференции 1945 года Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль обсуждали планы послевоенного устройства мира. Однако сложившаяся после войны биполярность не дала победителям установить единый НМП на планете. Каждая из сверхдержав интерпретировала идеальные смыслы НМП по-своему. Однако допустимо считать, что сложившаяся биполярность сама стала специфической новой формой мирового порядка более высокого уровня, просуществовавшей почти 45 лет.

После Мальтийского саммита 1989 года и Михаил Горбачев, и Джордж Буш-старший видели в эпохе, наступающей с окончанием холодной войны установление НМП. Однако в этом их интерпретации феномена не были одинаковы. Горбачев непосредственно использовал слова «новый мировой порядок», а Буш-старший говорил о том же описательно как о «мире, совершенно отличном от того, который мы знали» («*a world quite different from the one we've known*») [7]. Горба-

чев, очарованный идеями мирового братства, все же отдавал предпочтение строительству «общевропейского дома», в котором и будут коллегиально приниматься решения относительно НМП. Буш же, как и пришедший ему на смену Клинтон, рассматривали НМП через призму однозначного и непререкаемого американского лидерства.

Крушение Советского Союза в 1991 году можно принять за отправную точку в установлении очередного НМП. С последних десятилетий XX века до наших дней господствовавший миропорядок сменился как минимум трижды: крах двухполюсной системы, установление монополярности с бесспорной гегемонией США, возможное зарождение многополярной системы. По поводу устройства и реальных перспектив последней четкого представления и однозначного мнения пока нет. Нынешний этап формирования модели международных отношений характеризуется высокой степенью неопределенности и нестабильности.

Последовательная смена перечисленных циклов сделала рассуждения о происходящих тектонических сдвигах в мировой экономике и сложившемся миропорядке неизменным триумфом последних тридцати лет.

С начавшимся в нулевые годы размыванием безальтернативности монополярного мира и прорисовкой в мареве неоллиберального фундаментализма сначала зыбких, но постепенно все более явственных контуров глобальной полицентричности набор пророческих клише о судьбоносных переменах и их необратимости стал пополняться. Кризис 2008–2010 годов привел к тому, что на лидерство по степени избитости в качестве субститута НМП стала претендовать фраза «Мир уже никогда будет прежним», хотя в течение 10 лет после зародившегося в США глобального кризиса радикальных перемен не происходило [3, с. 5–6].

В 2020 году с наступлением пандемии коронавируса было вновь объявлено о том, что «человечество отныне вступило в иную реальность». К 2022 году государства мира, несмотря на огромные издержки и существенные человеческие потери практически оправившись от шока первых двух лет кризиса и приступили к выстраиванию *моделей и правил существования в «новой нормальности»* [4, с. 5], то есть в международном плане все того же НМП.

Изменения глобальных масштабов уже произошли. Как мы подчеркивали в предшествующих публикациях, за первые два месяца пандемии большинство правительств эффективно провели операции по ограничению множества прежде непререкаемых свобод граждан, были остановлены целые отрасли экономики (международные авиаперевозки, туризм и т. д.). Качество жизни больших масс населения радикально снизилось, а цикл быта и поведенческий порядок в развитых странах (в развивающихся — меньше) отныне стали добровольно подчинены жесткому регулированию. Не прибегая к непростой процедуре, предусмотренной национальными законодательствами, практически все государства на базе указаний представителей исполнительной власти (часто не высших) де-факто перевели функционирование ведущих экономик мира, создающих более 80 % валового мирового продукта, в мо-

билизационный режим [4, с. 5–6]. При этом отрасли, не приспособленные функционировать в таком режиме (туризм, мелкое предпринимательство и пр.), впали в кому, если не умерли. Разобщение и парцеляризация национальных обществ достигли невиданных в современной истории размеров. Межстрановые, межэтнические и межконфессиональные отношения испытывают колоссальное напряжение, что открывает окно возможностей для активного использования заинтересованными силами принципа «разделяй и властвуй» [4, с. 6].

Не вдаваясь в оценку конечной эффективности перечисленных мер правительств, важно отдавать отчет в том, насколько они даже по окончании своего действия (по истечении примерно двух лет) значимы для характера эволюции государственной власти, настроений и взаимодействий в обществе, будущих международных отношений. Россия в ее нынешнем состоянии и положении в полной мере подвержена общим мировым процессам.

Ученые и политики сходятся в том, что *«пандемия и мировой экономический спад сделали невозможным развитие глобализации в русле 1990–2010-х годов»* [Там же]. И вот почему.

Как известно, термином «глобализация» принято обозначать два близких, но разных по содержанию явления: а) текущий независимо от воли людей процесс глобального обобществления и интернационализации экономической жизни; б) политико-экономический проект по использованию этого объективного процесса в интересах доминирующих (лидирующих) групп мировой финансово-экономической олигархии. Глобальным лидером «проекта» и его национально-государственным вдохновителем и двигателем долгие годы были США, создававшие в своих интересах мировые альянсы и формировавшие новые, обслуживающие их могущество комплементарные центры экономической силы. Государства и альтернативные центры влияния, не укладывавшиеся в данную схему, подлежали устраниению или низведению до роли отверженных мировым сообществом и влачащих жалкое существование [Там же].

Как известно, *эта схема глобализации дала сбой*, поскольку сама породила конкурентов США в лице Китая и в меньшей мере других восходящих стран, еще недавно классифицировавшихся как «развивающиеся», «рухнувшие» (*collapsed*) или «отсталые». Внутри олигархических элит Запада зрело несогласие между той их частью, которая отдавала приоритет мировой гегемонии США как государства, и той, для которой национальная оболочка господствующей группы олигархии была вторична по сравнению с ее групповыми (классовыми) интересами [Там же].

Обе части тем не менее в создавшихся условиях были заинтересованы в перезапуске глобализации по новому программному коду. Первая часть желала замены «глобализации 1.0» на обновленную версию модели господства США в мире в парадигме безусловной «мощи американского империализма» середины XX века — нуллификации итогов возвышения Китая, Индии, Бразилии и ослабления позиций ЕС, Канады и ряда других игроков. Вторая часть допускала неко-

торое перераспределение баланса сил в мировой гегемонии за счет доли ЕС, России и еще ряда акторов при условии установления более жесткого господства коллективных наднациональных структур, формируемых в первую очередь самой этой частью мирового олигархата [Там же].

Пандемия создала окно возможностей для обеих вышеназванных групп. С одной стороны, вспышка коронавирусной инфекции существенно повысила управляющую роль государства, показала жизненную важность возврата рассеянных по миру за годы действия прошлой модели глобализации производств на собственную суверенную территорию и под свою юрисдикцию.

С другой стороны, провалы правительств в попытках пресечь пандемию, неготовность практически всех западных демократий эффективно противостоять вирусу на национальном уровне (разница свелась к тому, что у кого-то получалось «просто плохо», а у кого-то «чрезвычайно плохо»), неспособность реализовать защиту провозглашаемой ими же высшей «европейской ценности» — человеческой жизни, нанесли непоправимый удар национальному государству. Официальная политика властей части стран Запада — спасти молодых, оставляя стариков умирать, — серьезно подорвала морально-этические основы института семьи, и без того сильно эродированного в последние десятилетия. [3, с. 10] Максимальный разрыв общественных связей через введенную самоизоляцию, концепция «каждый спасается сам, отделившись от социума» создали предпосылки для отказа от «неэффективного вмешательства государства» и укрепили многих в малой полезности последнего. «Это сформировало необходимую среду для выведения на авансцену в постпандемическом будущем сообществ компетентных негосударственных акторов надсуверенного уровня» [Там же, с. 11].

Резкое обострение кризиса политической системы в США во второй половине 2020 года привело к (возможно, временной) победе «ультраглобалистов», выступивших, с одной стороны, за жесткую консолидацию Запада, а с другой — ужесточивших подходы к России и Китаю. Несмотря на все издержки, победителям удалось консолидировать коллективный Запад вокруг возрожденного пропагандистско-идеологического лозунга НМП-1918 «Демократии против авторитарных режимов», а в военно-материальном плане — вокруг блока НАТО и его субпродуктов в других регионах планеты (AUKUS и пр.). К концу 2021 года необходимость изменения динамики развития существующего миропорядка фактически перезрела. Мир, окончательно преодолев «зигзаг истории», вернулся в своих типовых противоречиях к началу XX века и напруга в ожидании нового Сараево...

Как показано выше, «новые мировые порядки» рождаются обычно в результате необратимых перемен в глобальном балансе сил, подрыва планетарных позиций старых гегемонов и поступательного восхождения новых претендентов на эту роль. Это не линейный процесс. В некоторых случаях (как было в конце 1980-х — начале 1990-х гг.) старые державы-гегемоны

способны повторно укреплять свои позиции путем захвата и поглощения новых, ранее недоступных ресурсов. Так, по окончании холодной войны коллективный Запад сумел повторно на время обрести исторический динамизм за счет того, что на собственных условиях получил в полное распоряжение потенциал стран бывшего соцлагеря. Это позволило ему продлить свою гегемонию еще почти на 30 лет. Однако к середине 2010-х годов легкодоступная часть этого резерва, потребление которой не требовало особых затрат, оказалась практически «переваренной». Остались лишь «трудно осваиваемые» сегменты мировой экономики на территории бывшего СССР и особо отсталые районы развивающегося мира. Кроме того, как отмечалось выше, в среднесрочной перспективе обозначилась неизбежность конфронтации с Китаем и, возможно, с некоторыми другими крупными и густонаселенными восходящими экономиками.

Передел мира с последующим введением очередного НМП стал столь же неизбежным. Было принято решение о разыгрывании к весне 2022 года украинской карты для окончательного решения описанной выше проблемы, и, возможно, Россию посчитали слабым звеном в этом раскладе мирового баланса сил.

Для России развертывание такого сценария обозначило необходимость реального отказа от пусть и несколько ослабшей, но по-прежнему сохранявшейся со времен Горбачева ориентации на Запад. Одновременно и ошибочной, и преступной была наивная надежда на то, что Запад захочет взвалить на себя заботу об огромном пространстве бывшего Советского Союза и его многочисленном населении (а сегодня это суммарно около 400 млн человек) и помочь этой части мира обрести тот же уровень зажиточности и благосостояния, в котором пребывает сам.

Проведенная деиндустриализация, парцеляризация территории, разукрупнение и разобшение хозяйствующих субъектов, ликвидация большинства системообразующих передовых производств и целых отраслей вместе с развалом системы профессионально-технического образования и подготовки, снижением качества общего образования (не говоря уже о воспитании) привели к тому, что ко времени вспыхнувшего обострения конфронтации с Западом Россия вынуждена решать массу проблем, которые могли бы либо отсутствовать полностью, либо быть не столь серьезными.

Кризис мирового порядка, разразившийся в конце зимы этого года, породил необходимость обновления всей экосистемы экономических и политических отношений на внутреннем и внешнем контурах российской государственности. Очевидна необходимость укреплять оба контура, формировать новые или обновленные подходы и, что самое главное, стимулы к совершенствованию отношений с иностранными государствами, причем стимулы эти могут быть как положительными, так и отрицательными. Нужно преодолеть ситуацию, когда от России ожидают, что она должна все время кому-то что-то давать, рассчитывая в лучшем случае на заверения в вечной дружбе и «стратегическом партнерстве». У партнера должна быть совершенно ясная перспектива потерь в случае пренебреже-

ния интересами нашей страны. Вместе с тем понятно, что в общей гамме «убедительных доводов» силовые аргументы будут оставаться доводами последнего порядка.

Сегодня неотложные задачи — это преодоление точек уязвимости на внешнем и внутреннем контурах. Такими точками на внешней линии являются те страны, на которые противник оказывает неприкрытое давление из-за стремления сохранить и продолжить развивать отношения с Россией, нежелания присоединиться к бойкотам и санкциям гегемонистских держав. Наиболее уязвимой точкой на внутреннем контуре видится недопонимание значительной частью населения того, что успех России в выстраивании нового мирового порядка, ее место в нем находятся в прямой зависимости от величины и качества личного вклада каждого гражданина в коллективные усилия всей страны. Достойное место в формирующемся новом мировом порядке позволит России перестать быть эксплуатируемой и ограбляемой полупериферией, от которой требуют выполнения установленных кем-то без ее согласия правил, и войти в число равноправных системообразующих субъектов миропорядка, определяющих смыслы развития последнего.

Литература

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики : [перевод с немецкого] / Х.-Г. Гадамер. — Москва : Прогресс, 1988. — 699 с. — Текст : непосредственный.
2. Канке, В. А. Основы философии : [учебник для студентов средних специальных учебных заведений] / В. А. Канке. — Москва : Унив. книга : Логос, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.
3. Фитуни, Л. Л. Коронавирус и «конец истории» / Л. Л. Фитуни. — Текст : непосредственный // Ученые записки Института Африки РАН. — 2020. — № 2 (51). — С. 5–13.
4. Фитуни, Л. Развивающиеся страны в политической экономике посткоронавирусного мира / Л. Фитуни, И. Абрамова. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 9. — С. 5–14.
5. Address at the University of Minnesota Armory in Minneapolis. — Текст : электронный // The American Presidency Project : [сайт]. — URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-university-minnesota-armory-minneapolis> (дата обращения: 09.05.2022).
6. Address to Congress on International Order. — Текст : электронный // The American Presidency Project : [сайт]. — URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/311360> (дата обращения: 09.05.2022).
7. September 11, 1990: Address Before a Joint Session of Congress. — Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео // Miller Center : [сайт]. — URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-11-1990-address-joint-session-congress> (дата обращения: 09.05.2022).